

ВИКТОР МИЗИАНО
ФИГУРА В ИНТЕРЬЕРЕ
2003

Получив образование и начав свою творческую судьбу в Германии, Настя Хорошилова причастна феномену, который критики удачно определили как «пост диаспора». Речь идет о художниках, которые, профессионально сложившись и работая за границей, чувствуют себя органичной частью интернациональной сцены и не причисляют себя к эмигрантам. В то же самое время они не мнят себя космополитами и не тяготеют своей русской идентичности. Более того, их творчество становится одним из путей конструирования этой идентичности. Для русской культуры миновавшего века, неумолимо ставившей интеллектуалов перед выбором между жизнью в метрополии или статусом эмигранта, подобная целостная и одновременно комплексная идентичность внове.

От пост диаспоры у Насти Хорошиловой обостренный персонализм. Для нее - как и для всех других представителей этого негласного сообщества, привыкших к миграциям, к отсутствию прочной укорененности, главная точка опоры - это они сами. Поэтому в ранних работах Хорошиловой речь идет о том, что она хорошо знает, что ею самой лично пережито. Ее первые фотографические серии о мире общежитий и интернатов, о существовании, обживающем казенный интерьер, т.е. о том, что ей знакомо по ее «годам странствий». Творчество для нее - это форма самоанализа, рефлексии ее собственного социального опыта. Все это не привычно для традиционного русского художника, мессиански понимавшего свою роль и привыкшего говорить от имени социальных общностей или инстанций «метафизических».

Не привычен для русского художественного восприятия и отстраненный объективизм работ Хорошиловой. Нет в них и намек на разоблачительный пафос, как нет в нем и самодовлеющего эстетизма, что в миновавшие годы было альтернативой социально-критической позиции. Предметом микроанализа в ее работах оказывается система внутренних социально-психологических связей между человеком и его окружением, она показывает личность в ее встроенности в определенный предметно-пространственный уклад, т.е. то, что социологи называют «хабитус». Содержательный план ее высказывания исчерпывается тем, что изображено на офотоотпечатке и не больше. Мы не должны сводить мотивы ее произведений к некой повествовательной канве или выискивать их скрытый символизм, как и не должны усматривать в композиционно-пластическом строе ее произведений нечто большее, чем просто оптимальное предъясвление факта.

Характерно, что персонажи на фотографиях не «схвачены врасплох», а позируют перед объективом. Причем их позы лишены какой-либо навязанной драматургии, они не выпадают из зафиксированного на фотографии строя повседневности, хабитуса. Это переходящая из отпечатка в отпечаток мизансцена спокойного предстояния перед камерой - не формальный мотив, а составная метода и этических установок молодого фотографа. Каждый снимок - это не только художественное событие, но и предшествующее ему событие человеческое - встреча, диалог, породившие в результате доверие модели художнику. Так стремление к объективности предъясвляемого результата толкает Хорошилову на честное выявление своего соприсутствия в запечатленном факте. Подобно тому, как профессиональная этика социолога требует от него выявлять применяемые им в исследовании методы: описание социального факта будет признано объективным, только если будет предъясвлена субъективность исследователя.

Большая часть последних работ Хорошиловой создана в России: их появление есть результат специальных поездок, почти исследовательских экспедиций. И это

естественно - проблематичность ее отношений с Россией, пробуждает в ней желание увидеть страну, причастность к которой она стремится в себе закрепить. При этом взгляд ее на русскую жизнь свободен от любых предубеждений и априорных суждений. А именно этого можно ждать от иностранца или от укорененного русского. Она же не есть ни то, ни другое, а потому свободна от рекламных клише и культурных стереотипов, от сантиментов и ностальгических идеологем. Она не оплакивает ?Россию, которую мы потеряли? и не выискивает на периферии нравственных основ русской жизни. Она не высматривает здесь ?мерзость запустения?, как и не выискивает признаки ?новой жизни?. Открывая для себя русскую глубинку, она вообще ничего определенного от нее не ждет и не стремится найти: она ее просто хочет увидеть - увидеть и запечатлеть, как она есть.

В работе Насти Хорошиловой есть некоторая неторопливость и обстоятельность, желание избежать поспешного шага. Но это отнюдь не робость молодого художника, а стремление вдумчиво освоить и рассмотреть во всех деталях открывшийся ей феномен - феномен реальности. И в этом стремлении она совершенно права - ведь этот феномен открытие уникальное и беспрецедентное. Так пост идеологическое поколение открывает для себя то, что ранее скрывалось за риторикой власти, с одной стороны, и контркультуры, с другой, т.е. идеологией во всех ее ипостасях.